

A promotional poster featuring a muscular man in the foreground, shirtless and wearing maroon athletic shorts, looking towards the camera with a slight smile. In the background, a woman in a magenta robe stands near a doorway, holding a clipboard and looking off to the side. The scene is set in a gym with visible exercise equipment.

КЛИНЧ

НИЖЕ ПОЯСА

Лебрута алей Ла

18+

Лебрута алей Ла
Клинч. Ниже пояса

«Автор»

2026

алей Ла Л.

Клинч. Ниже пояса / Л. алей Ла — «Автор», 2026

Ира закрывает убыточные активы и ни разу не дрогнула ни на одном. Теперь ее отправляют в маленький городок – подготовить к продаже спортклуб «Норд». Владелец клуба – Клим Дейнега, действующий боец, которому через два месяца выходить в клетку. Он не подчиняется ей ни разу. И он не знает, почему восемь лет назад она исчезла из его жизни без объяснений. А она знает. Знает, что пошла тогда к человеку, чей сын лежал в коме после одного удара Клим, и согласилась на его условие: исчезнуть навсегда, чтобы Клим был жив. Этот человек теперь ее работодатель. И он отправил ее сюда не случайно. Ей нельзя молчать. Ей нельзя говорить. Ей нельзя к нему прикасаться – и она не выдерживает первая.

© алей Ла Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лебрута алей Ла Клинч. Ниже пояса

Глава

Оглавление

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Эпилог

Глава 1

Ремень сумки резал плечо. Я перекинула ее на другое, и легче не стало.

Холод в коридоре был бетонный, из семидесятых, тут его никто не прогревал и не собирается. Зато из-под двери в конце тянуло теплом. Чужой пот, хлорка из душевых. За восемь лет не поменяли даже хлорку.

Восемь лет, а если считать точно от того ноября – без малого восемь. Я считаю от того ноября.

На вахте сидела женщина и разгадывала сканворд. Меня она не спросила ни о чем. Меня тут вообще никогда ни о чем не спрашивали, и я почему-то всегда считала, что это уважение.

Дверь была приоткрыта, и я вошла не постучав. В зал не стучат. Кто стучит в зал, тот не понимает, куда пришел.

Их в зале было двое, и оба меня не увидели.

Тот, что помоложе, работал по лапам, бил зло, с придыханием, будто лапы ему задолжали. Второй держал и молчал. Только смещал их: на два пальца вправо, потом на ладонь ниже, потом опять вправо. Парень мазал, мазал, мазал и уже начинал злиться на себя, а это последнее дело, злиться на себя в зале.

Потом он опустил лапы.

– Ты бьешь туда, где я был.

Парень выпрямился, дыша ртом.

– А надо?

– Надо туда, где я буду.

И тогда он повернулся, и стало понятно, что слышал он меня давно. От двери. Может, и от лестницы.

Восемь лет – это, оказывается, ничего. Восемь лет – это короче волосы, тяжелее челюсть и белая полоска над бровью, которой раньше не было.

Он вытер лицо полотенцем и бросил его на канат.

– Заблудилась?

– Здравствуй, Клим.

– Иди в душ, – сказал он парню, не глядя на меня.

Парень ушел не оглядываясь. Дверь чмокнула резиной и встала на место.

Я держала папку двумя руками, как первоклассница дневник, и заставила себя опустить одну.

– Я от Ситникова.

– Знаю.

– Он сказал, что предупредит.

– Он предупредил.

Клим подошел к краю ринга и сел на него, свесив руки между колен. Так он оказался ниже меня на голову, и вот это было хуже всего. Он сел, зная, что станет ниже, и все равно смотрел так, будто это я стою у него на приеме.

– Он не сказал, кого пришлет. – Клим взял бутылку, отпил и поставил обратно. – Сказал: придет человек, который умеет закрывать.

Где-то за стеной капало. Я слышала каждую каплю, и это было совсем некстати, потому что означало, что больше я не слышу ничего.

– Я приехала подготовить клуб к продаже.

– Это называется закрывать, Ира.

Он назвал меня по имени, и отозвалось не там, где надо. Не в горле и не в груди. Ниже и слева, под ребром, тупо и коротко, будто там сорвалось что-то с крепления.

– У тебя два месяца, – сказала я.

– У меня два месяца до боя. – Он встал. – А у тебя, выходит, столько же, чтобы объяснить, зачем ты уехала.

Я не ответила.

Я вообще редко отвечаю сразу, за это меня на работе считают то ли умной, то ли тупой, тут мнения разошлись. Мужчины в переговорной не выносят тишины дольше четырех секунд. Они начинают говорить, и через полторы минуты ты знаешь про их бизнес все, включая то, чего они говорить не собирались.

Клим тишину выносил. Он всегда ее выносил. Это было первое, что я в нем когда-то заметила, раньше рук, раньше плеч, раньше всего.

– Мне нужен доступ к бухгалтерии, – сказала я наконец. – За четыре года. И договоры аренды.

– Валя даст.

– Валя это кто?

– Валя это Валя. – Он поднял с пола скакалку, смотал ее в кольцо и повесил на крюк.

– У нее сканворд.

Женщина с вахты. Значит, она тут не вахтер. Значит, тут вообще нет вахтера, а есть Валя, и она заодно бухгалтерия, и я поняла, что смотреть в этих документах, скорее всего, будет не на что.

Он прошел мимо меня к выходу, и я почувствовала, как от него идет жар. Не запах. Именно жар, как от печки, мимо которой прошел в темноте.

Я стояла на месте.

– Клим.

Он остановился в дверях, не оборачиваясь.

– Клуб убыточен третий год.

– Я в курсе, у меня же тут все свои. Валя со сканвордом.

– Ситников купил ваш долг. Не часть. Весь.

– И это знаю.

– Тогда ты знаешь, что вариантов у тебя нет.

Вот тут он обернулся. И улыбнулся, и лучше бы не улыбался.

– Ир, у меня вариантов не было в двадцать три, когда я жрал гречку восьмой день и понимал, что мне ее еще жрать. Сейчас у меня есть зал, есть парни и есть ты в дверях с папочкой. Это, знаешь, не то чтобы дно.

– Я не в дверях. Ты в дверях.

– Вот. – Он кивнул, будто я подтвердила что-то важное. – Уже разговариваем.

И ушел.

Я осталась в зале одна, и первое, что сделала, – села на тот же край ринга, где сидел он. Просто чтобы не стоять. Брезент был теплый там, где он сидел, и я пересела на десять сантиметров левее, на холодное.

Тридцать лет. Кризис-менеджер с четырехлетним стажем у Ситникова, до этого консалтинг, до этого экономфак, красный диплом, который никто ни разу не попросил показать. Четыре закрытых актива, ни одного проваленного. Меня зовут, когда надо не спасать, а разбирать.

Я умею разбирать.

Я приехала разобрать зал, в котором в двадцать два впервые в жизни сказала мужчине, что люблю его, и он ответил не сразу, а сначала доматал бинт до конца, потому что бинт нельзя бросать на середине.

Из душевых пошла вода. Трубы завывали по всему зданию, как они были всегда, восемь лет назад тоже.

Я достала телефон. Одиннадцать пропущенных от Ситникова за два часа, и это при том, что он знал: я в дороге.

Я не стала перезванивать.

Вместо этого я открыла папку, вынула лист с планировкой и стала смотреть на него так, будто в нем что-то есть. Второй этаж, тренерская, две раздевалки, подсобка, комната отдыха восемь квадратов.

Восемь квадратов. Там раньше стоял диван, и мы на нем.

Я закрыла папку.

Вода в душевых стихла. Стало слышно, как в кабинете за стенкой Валя двигает стул.

Я вышла в коридор и пошла к ней, и по дороге у меня было ровно одно связное соображение, и оно было идиотское. Что у меня в сумке нет ничего, кроме ноутбука, зарядки и двух блузок. Что я приехала на два месяца с двумя блузками.

Валя оторвалась от сканворда и посмотрела на меня поверх очков.

– Вы Ирина?

– Да.

– Ключ вам дать сразу или потом?

– Какой ключ?

Она поморгала.

– От комнаты. Дейнега сказал, вы наверху жить будете. Гостиница у нас с апреля на ремонте, а до Полянки тридцать восемь километров, и автобус два раза в день.



Глава 2

Ступеньки на второй этаж были железные, и каждая отзывалась по-своему. Третья гудела. Седьмая щелкала. Я поднялась по ним, наверное, тысячу раз, и тело помнило, где щелкает, а голова не помнила ничего.

Комната была восемь квадратов, как в плане.

Дивана не было. Стояла кровать, узкая, армейская, с новым матрасом в полиэтилене, и полиэтилен был разрезан ровно посередине, как будто резали ножом и торопились.

Значит, кровать поставили сегодня.

Я села на нее прямо в пальто и просидела так минут семь. За окном был пустырь, за пустырем труба котельной, за трубой ничего. Городок на сорок тысяч, две улицы вдоль реки, и все, кто мог, отсюда уехали, включая меня.

В дверь стукнули один раз и вошли, не дожидаясь.

– Замок работает, – сказал Клим. – Изнутри. Если что.

– Если что?

– Если ты боишься.

– Я не боюсь.

– Жаль.

Он стоял в проеме, уже переодетый, в толстовке с оторванным шнурком, и держал в руке кружку, от которой шел пар.

– Чай. Валин. Я его пить не могу, он у нее с чабрецом, а чабрец на вкус как половая тряпка, но ты, может, чабрец любишь. Ты вообще много странного любила.

Я взяла кружку. Пальцы у него были горячие, у меня ледяные, и когда мы менялись кружкой, я коснулась его костяшек, и костяшки были плоские, как разбитый асфальт.

– Спасибо.

– Не за что. Валя старалась.

Он не уходил. Прислонился к косяку и смотрел, как я держу кружку, и от этого держать ее стало тяжело.

– Я тебе комнату дал не по доброте, – сказал он. – Я тебе ее дал, чтобы ты тут жила и видела.

– Что видела?

– Все.

Он развернулся уходить.

– Клим.

– Ну.

– Восемь лет назад тут был диван.

Он остановился. Не обернулся. Постоял, взявшись рукой за косяк, и я видела, как под кожей на предплечье что-то раз – и легло обратно.

– Я его сжег, – сказал он. – В марте. Ничего личного, он был драный.

И вышел.

Я сидела с чаем, и чабрец действительно был как половая тряпка.

Вот что я про себя знаю. Я не плачу. Не потому что сильная, а потому что где-то на двадцать третьем году механизм заело, и слезы теперь стоят где-то на уровне ключиц и не идут ни вверх, ни вниз. Врач сказал: соматика. Я сказала: спасибо. Он выписал магний.

Магний не помог. Я его до сих пор пью, восемьдесят рублей упаковка, беру сразу три.

Я допила чай, поставила кружку на подоконник и открыла ноутбук.

Через сорок минут я знала про клуб «Норд» больше, чем знал про него Клим.

Выручка падала третий год ровно, без скачков, как падает то, чем перестали заниматься. Три тренера, из них один на четверть ставки. Секций пять, платят по-честному две. Аренда здания у города, договор до августа, и в договоре есть пункт, из-за которого я села ровнее.

Пункт был про то, что при продаже бизнеса аренда не наследуется. То есть Ситников покупает долг, забирает клуб и получает голые стены без права в них находиться.

Он это знал?

Я перечитала три раза. Потом посмотрела дату договора. Потом посмотрела, кто подписывал со стороны города, и фамилия мне ничего не сказала, но я ее записала, потому что я всегда записываю фамилии.

Значит, Ситникову нужен не клуб.

Ему нужно здание. А здание он получит, только если клуб сдохнет сам и город выставит помещение на торги.

Я закрыла ноутбук и минуты две смотрела в стену.

Он прислал меня не продавать. Он прислал меня душить.

Телефон завибрировал в третий раз за вечер, и я в третий раз не взяла.

Внизу, под полом, кто-то ударил по мешку. Один раз, потом еще. Потом пошла серия, и мешок отзывался глухо, а цепь наверху звенела тонко, и звук цепи шел прямо в пол подо мной, в кровать, в меня.

Половина второго ночи.

Я лежала одетая поверх покрывала и слушала, как внизу работает человек, которому в понедельник исполнилось тридцать пять и который мне восемь лет назад сказал: уедешь – не ищи. И я не искала. Я честно не искала, я даже соцсети его не открывала, ни разу, ни одного раза, кроме тех четырех, о которых никто не знает.

Мешок стих.

Потом заскрипела железная лестница. Третья ступенька загудела, седьмая щелкнула.

Шаги дошли до моей двери и остановились.

Я не дышала. Не потому что решила не дышать. Оно само перестало.

Он стоял там долго. Секунд двадцать. Достаточно, чтобы решить.

Потом ступеньки пошли обратно вниз, и внизу хлопнула дверь на улицу, и я услышала, как заводится машина.

Я лежала и смотрела в потолок, и в голове у меня было пусто, и одновременно там орал целый рынок.

Пусть уезжает.

Хорошо, что уехал.

Плохо, что уехал.

Замок изнутри работает, он сказал. Значит, он думал про то, чтобы прийти.

Значит, он думал.

Я встала, подошла к двери и опустила щеколду. Потом постояла. Потом подняла обратно.

Глава 3

Утром пришло сообщение от Ситникова: «Жду отчет в среду. И не тяни, Ирина, я тебя знаю».

Я ответила: «Хорошо».

Одно слово. Он это ненавидит и потому пишет еще четыре сообщения подряд, а я потом читаю их все сразу и отвечаю снова одним словом. Это моя единственная форма сопротивления за четыре года, и она жалкая, и мне ее хватает.

В зал я спустилась в семь двадцать.

Там уже занимались. Человек девять, все мальчишки, лет по пятнадцать-семнадцать, и они прыгали через скакалку в такт, и звук был как дождь по железу.

Клим стоял у стены со скрещенными руками и считал.

Он не спал. Я это видела по тому, как он держал голову, чуть набок, будто шея затекла. Значит, он куда-то ездил ночью и вернулся под утро.

– Тебе кофе, – сказал он, не оборачиваясь. – В тренерской. Черный, без сахара, две ложки на кружку, потому что нормального кофе тут нет, а тебе надо крепкий.

Он помнил, какой я пью кофе.

Восемь лет.

Я пошла в тренерскую и там села, и минут пять просто держала кружку и ничего не делала. Кофе был отвратительный. Я выпила его весь.

К одиннадцати я разложила на столе три стопки бумаг и начала считать по-настоящему.

К часу дня в тренерскую вошла девушка.

– Вы Ирина, да? Я Лика.

Ей было лет двадцать шесть. Мокрые волосы, стянутые в узел, вырез над ключицами, и по ключицам еще шла вода. Плечи узкие, а предплечья такие, что видно каждую жилу. Она села на стол напротив меня, не спросив, и стала есть яблоко.

– Вы его закрывать приехали?

– Я приехала считать.

– Это одно и то же, – сказала она с набитым ртом. – Не обижайтесь. Я не наезжаю. Я тут четыре года, я вообще всех считающих люблю. – Она откусила еще. – Дейнега про вас ничего не сказал. Совсем ничего, а он обычно хоть что-то говорит.

– Значит, нечего говорить.

Лика посмотрела на меня очень внимательно, и я поняла, что она умнее, чем хочет казаться, и что она уже все поняла.

– Ясно, – сказала она.

И прыгнула со стола.

– Слушайте. Он мне никто, у нас с ним ничего, если вы вдруг. Он вообще ни с кем, тут все свои и все все знают. Но если из-за вас он бой сольет, я вам лично морду набью, а я умею.

– Верю.

– Ну и хорошо. – Она улыбнулась, и улыбка была нормальная, человеческая. – Кофе у нас говно, кстати. Я вожу свой, могу делиться.

Она ушла.

Я осталась сидеть, и меня трясло. Не сильно. Мелко, в кистях, как бывает после того, как чуть не попала под машину, а машина проехала, и все уже хорошо, а руки не знают.

Из-за меня он бой сольет.

Значит, кто-то тут уже думает, что я могу на него влиять.

Значит, это видно.

К вечеру я знала цифры и знала, что скажу. И в семь, когда зал опустел, я спустилась вниз с распечаткой.

Он был один. Работал у зеркала, без перчаток, просто руками в воздух, медленно, разбирая по кускам какое-то движение, и повторял его раз за разом, и на восемнадцатом повторе я перестала считать.

Он был в шортах и без футболки, и я старалась смотреть в бумаги.

Смотреть в бумаги не получилось.

Спина у него была не такая, как восемь лет назад. Восемь лет назад была спина двадцатисемилетнего пацана, красивая и пустая. Сейчас по ней шла история: слева под лопаткой длинный светлый шов, справа над поясом что-то смятое, вроде ожога, и мышцы лежали не гладко, а слоями, как будто их складывали руками.

Он поймал меня в зеркале.

Не остановился. Просто продолжил движение, глядя не на себя, а на мое отражение.

– Насмотрелась?

– Да.

Он замер на середине замаха.

Я думаю, он ждал, что я скажу нет. Что отвернусь, что начну про бумаги. Я не отвернулась. Я просто ответила правду, потому что врать я перестала лет пять назад, вранье отнимает много сил, а сил у меня ровно на работу.

Клим опустил руки.

– Ты изменилась.

– Мне тридцать.

– Не в этом. – Он подошел и взял у меня распечатку, и пока брал, костяшками задел мои пальцы, и я не убрала руку, и он это заметил. – Раньше ты бы соврала.

– Раньше я много чего.

Он пробежал глазами первый лист. Второй. На третьем остановился.

– Это что?

– Это пункт четыре точка два в договоре аренды. При смене собственника бизнеса право аренды не переходит. – Я подождала. – Ситникову не нужен клуб, Клим. Ему нужны стены.

Он читал долго. Дольше, чем нужно, чтобы прочесть шесть строк.

Потом свернул распечатку в трубку и постучал ею по ладони.

– И ты мне это говоришь.

– Да.

– Зачем?

Вот тут я должна была что-то ответить, и у меня внутри было четыре готовых ответа, все профессиональные, все гладкие, и ни один из них не был правдой.

Я молчала.

Клим шагнул ко мне. Один шаг, и стало близко, и от него шел жар и мокрое, и я почувствовала, как у меня где-то в горле начинает биться то, что должно биться в груди.

– Ир.

– Что.

– Ты за восемь лет хоть раз про меня подумала?

Капало за стеной. Гудели лампы. Мальчишки на улице орали что-то и били мячом об стену, и мяч уходил в тот же угол, раз за разом.

– Четыре раза, – сказала я.

Он засмеялся. Тихо, коротко, себе под нос, и от этого смеха у меня подкосилось что-то в коленях, потому что смеялся он не надо мной.

– Четыре, – повторил он. – Вот же ты. Даже это посчитала.

Он поднял руку и провел большим пальцем по моей скуле, снизу вверх, один раз, медленно.

И убрал.

– В субботу контрольное взвешивание в области, – сказал он, отходя. – У меня их по контракту три до боя, не приеду – штраф. – Поедешь со мной. Тебе полезно посмотреть, что ты собралась закрывать.

Он ушел в раздевалку и не обернулся, а я осталась стоять посреди зала со щекой, которая горела так, будто по ней ударили.

Глава 4

В субботу он подогнал к крыльцу старую японку с правым рулем, и я минуты полторы соображала, с какой стороны садиться.

– С той, – сказал он через опущенное стекло. – Или ты за руль хочешь? Только предупреждаю, коробка тут с характером, как ты.

Внутри пахло не как в машинах. Не хвойной елочкой и не кожей. Внутри стояло что-то теплое, тряпчочное, лежалое, и на заднем сиденье была свалена гора: бинты, перчатки, полотенца, синий пакет, две бутылки воды и почему-то детский самокат.

– Самокат чей?

– Валин внук. Забыл в мае. Валя говорит, отдам, и не отдает. – Он вырулил на дорогу.

– Я думаю, она его ждет.

– Внука?

– Мая.

Ехать было полтора часа.

Первые двадцать минут мы молчали, и молчание было нормальное. Он вел, положив на руль одну руку, вторую свесив с окна, и на поворотах машина шла плавно, без рывков, и я поняла, что он всегда так водил, я просто забыла.

Я много чего забыла.

Или нет. Я не забыла, я запаковала и убрала, и теперь ящик открыли, и оттуда полезло, и лезло не по порядку, а как попало: как он ел яблоко целиком, вместе с сердцевинкой, и говорил, что там витамины, и я знала, что там не витамины, а лень. Как у него в шкафу висело три одинаковые серые футболки и одна белая рубашка на случай похорон. Как он в первую нашу ночь уснул раньше меня и во сне держал мою руку так крепко, что утром на пальцах были следы.

Господи. Двадцать два года.

– О чем думаешь? – спросил он.

– О работе.

– Врешь.

– Вру.

Он усмехнулся в лобовое стекло.

– Вот за это я тебя, знаешь, всегда. Другая бы стала выкручиваться. А ты: вру. И все, и дальше молчок, и сиди теперь гадай.

– Не гадай.

– Поздно, я уже.

Дорога пошла вдоль реки. Слева была вода, серая и высокая, справа поля, и над полями стояло что-то белое, туман или дым, я не разобрала.

– Ты почему один? – спросила я.

Он не переспросил, что значит один. Он понял.

– А ты?

– Я спросила первая.

– Ага. – Он перехватил руль. – Была одна. Полтора года. Нормальная, хорошая, хотела в Краснодар. Я не хотел в Краснодар.

– И все?

– И все. Я не умею про это красиво, Ир. У меня зал, у меня утром шесть, у меня вечером девять, и по-хорошему меня надо любить, как собаку любят: погладил, налил и не лезь. Не всем подходит.

– А кому подходит?

– Пока никому.

Он сказал это ровно, без всякой жалобы, и именно поэтому у меня внутри что-то сдвинулось и поехало.

Я отвернулась к окну.

Считай. Считай что-нибудь. Столбы. Один, два, три.

– Ир.

– Мм.

– А ты?

– Что я.

– Ты одна?

Столб. Столб. Мост.

– Полтора года был Андрей, – сказала я. – Хороший. Юрист. Он мне на день рождения подарил абонемент в бассейн.

Клим помолчал.

– И что?

– Ничего. Абонемент хороший был. На год.

Он засмеялся. По-настоящему, откинув голову, и машина чуть вильнула, и он выправил ее одной рукой.

– Абонемент в бассейн, – повторил он. – Ты плаваешь-то?

– Нет.

– Ну и все, вопросов больше не имею.

Мы въехали в область, и он замолчал, и я поняла, что он уже не здесь. Он начал уходить в бой. Челюсть встала по-другому, плечи ушли вниз, и дышать он стал медленнее.

Я смотрела на его руки на руле.

Пальцы длиннее, чем ждешь. Костяшки сбитые все, до одной. На правой между большим и указательным старый шрам, кривой, как молния, я про него знала историю: восемнадцать лет, драка у клуба, стекло.

Я знала историю каждой отметины на этом человеке до двадцати семи лет.

А потом восемь лет он получал новые, и я не знаю ни одной, и от этого мне было хуже, чем от всего остального.

– Приехали, – сказал он.

Глава 5

Контрольное взвешивание было в спорткомплексе с рыжими пластиковыми сиденьями, и людей набилось человек полтора, и половина снимала на телефоны.

Я села в третьем ряду и стала смотреть.

Их вызывали парами. Мужчины выходили, раздевались до трусов, вставали на весы, потом расходились по краям сцены и стояли лицом к лицу, пока фотографы щелкали.

Некоторые кричали друг на друга. Один толкнулся, их растащили, зал завыл.

Потом вызвали Клима.

Он вышел без всякого выражения, стянул футболку через голову, бросил ее вбок, не глядя куда, и встал на весы.

Я не дышала.

Он был сухой до того, что видно все: как ложатся ребра, как ходит живот, как под кожей на боку идет линия и обрывается. Все то, что я вчера видела в зеркале со спины, теперь было целиком и с трех метров.

И еще там был шрам, которого я не видела. Внизу слева, короткий, поперечный, аккуратный, хирургический.

Что-то у него вырезали.

Когда. Что. Кто был рядом.

– Восемьдесят три и три, – сказал человек с микрофоном.

Клим сошел с весов и встал напротив соперника. Тот был выше на голову, моложе лет на восемь, и начал первым: наклонился к самому лицу и что-то сказал.

Клим слушал. Кивнул. Потом сказал что-то в ответ, короткое, три слова, я не расслышала.

Соперник дернулся, но его уже держали.

Зал взвыл.

Клим отошел, подобрал футболку и, натягивая ее, посмотрел в третий ряд. Прямо на меня. Нашел сразу, будто знал, где я сижу, а он не мог знать, я села, когда он был за кулисами.

Он не улыбнулся и не кивнул.

Просто посмотрел, и я почувствовала это по всему телу разом, от корней волос до пяток, как когда встаешь под воду не той температуры.

В машине я спросила:

– Что ты ему сказал?

– Не скажу.

– Почему?

– Потому что ты приличная женщина в пальто. – Он выехал с парковки. – Тебе такое рано.

– Мне тридцать.

– Тем более.

– Клим.

Он посмотрел на меня искоса, оценивающе.

– Я ему сказал: подыши пока, потом отвыкнешь.

Я не сразу поняла. А когда поняла, отвернулась к окну, потому что почувствовала, что улыбаюсь, а улыбаться было нельзя.

– Смешно тебе, – сказал он с удовольствием.

– Нет.

– Ага. Не смешно ей.

Ливень догнал нас на сорок втором километре.

Сначала стало темно среди дня, потом ударило по крыше так, что мы оба вздрогнули, а потом дорогу залило целиком, и щетки не справлялись, и он сбросил до тридцати, а потом до нуля и съехал на обочину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.